

НИКОЛАЙ ДОБРЫДНЕВ

Тень у Порога

Книги Золотого Пепла

КНИГА ПЕРВАЯ

18+

Книги Золотого Пепла

Николай Добрыднев

Тень у Порога

«Автор»

2026

Добрыднев Н.

Тень у Порога / Н. Добрыднев — «Автор», 2026 — (Книги
Золотого Пепла)

Две тысячи лет назад боги Теархи создали мир и покинули его. Осталась лишь их кровь – Ярь. Она повсюду: в воздухе, в земле, в каждом живом существе. Она дарует силу. Она же сжигает дотла. Кaleb Рен, глава научной Академии, получает таинственные координаты. Они ведут на юг – туда, где много лет назад исчезли его родители. Маркус Торн, глава Совета, находит амулет Мраковеров Предела. Их лидер, Тенеуст, больше не прячется в тени. Астрид Валленрод держит оборону Севера от стай Вырождённых. А в стенах её собственного замка зреет предательство. У каждого своя битва, но тень у порога – одна на всех.

© Добрыднев Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

КНИГИ ЗОЛОТОГО ПЕПЛА	5
Книга / первая	6
Пролог. Рябь	7
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ // ПОРОГ	9
Глава 1. Кaleb Рен	10
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Тень у Порога

КНИГИ ЗОЛОТОГО ПЕЩЛА

Книга / первая

Пролог. Рябь

«Тень падёт. И мы очистимся» – Мраковер Предела.

Под раскидистыми кронами деревьев у самой кромки воды оживала деревня. Нав – так звали это море – глухо рокотало, переливаясь в предрассветных сумерках тяжёлым, маслянисто-тёмным цветом. С берега казалось, что это не просто вода, а густая живая бездна, лениво лижущая серый песок.

Рыбаки тянули лодки, стараясь не смотреть лишний раз в сторону горизонта, где небо сливалось с обманчивой гладью Нав.

У входа в деревню, по обе стороны от дороги, стояли два высоких шеста. На вершине каждого темнела железная чаша – сейчас, при утреннем свете, она была едва тёплой. Но дерево вокруг чаши почернело от копоти, а от самих шестов тянуло горьким запахом смолы и полыни. Чёрные вехи – как стемнеет, их зажгут. Твари из рощ их дыма не терпят.

Сонный люд выбирался из тёплых домов на траву, покрытую холодной утренней изморозью.

Купцы из дальних поселений уже разложили товары. Пахло орехами, фруктами, свежим квасом – так вкусно, что дети то и дело тянули родителей за подолы. Между домиков по центру проходил пыльный тракт. Не так давно по нему промчался всадник, пыль от копыт оседала на придорожной траве. По улице бегала детвора, гоняя друг друга.

– Ни свет ни заря, а вы уже скачете! – прокричала им старушка на лавочке.

У колодца скрипел ворот. Девушка подняла ведро – вода ходила мелкими кругами. Хотя на улице не шевелился ни один листок.

Собаки за слободой завывали хором – и тут же смолкли.

Из дома на углу выбежала женщина, босая, с распущенными волосами, в белом сарафане. Лицо бледное, глаза дикие. Крикнула:

– Я видела их! – голос сорвался на хрип. – Золотые глаза в темноте. Они придут за нами. За всеми нами.

Замахала руками, отпихнула людей, споткнулась и рухнула на траву, проломив изгородь. Из рта пошла пена, тело забилося в судорогах. Стоявшие рядом метнулись к ней, пытаясь приподнять, но староста, преградив путь, велел отойти:

– Опять эти сны... Знахарь! Тащи её к себе! Живо!

А со стороны леса на селение пополз густой туман. Плотный для весеннего утра. Он двигался в сторону деревни – слишком ровно, будто тёк по проложенному руслу, параллельными струями. И в нём блестели небольшие янтарные всполохи – они ярко мерцали, пробиваясь из глубины.

Односельчане застыли, кто где стоял, не понимая, что происходит.

Дымка, обтекая оцепеневших, плыла по траве и уползала к морю. На самом его горизонте заклокотало яростное сияние – будто незримый зверь клыками терзал небеса. Свет переливался, дёргался, пульсировал в собственном ритме – и от этого зрелища не удавалось оторвать взгляд. Жители молились; многие судорожно вцепились в деревянные амулеты богов.

Даль мигала – и погасла. С низким гулом по небу прошла рябь. Все замерли, прислушиваясь – впервые за всё утро воцарилась мёртвая тишина: ни собак, ни птиц, ни детского плача. Она давила на уши. И странный привкус на языке – сухой, металлический, будто после грозы, хотя небо оставалось чистым. Лишь одинокий старик, которого считали сумасшедшим, сказал:

– Золото в глазах у него было... – Оге провёл ладонью по лицу. – У того, кто смотрел из марева. Он улыбнулся мне и ушёл в море.

Оге не кричал. Говорил тихо, почти шёпотом. У стоящих рядом мурашки побежали по коже. Но люди не слушали: мало ли что бормочет безумный Оге.

– Тебе показалось. Иди в дом, старик.

– А после глаза почернели.

Никто не обернулся.

Деревня зажила дальше. Заскрипел ворот колодца, разгорелись громкие споры у торговых повозок. Кто-то уже смеялся. Дети снова бегали по улице. О недавней дымке ничто не напоминало.

Лишь Оге неотрывно смотрел на море, где таял туман, и гладил рукой на шее амулет – такой же древний и выцветший, как и его хозяин. Старик был одет в длинную, до пят, холщовую рубаху, подпоясанную простым плетёным пояском. Рубаха эта, как и он сам, казалась пришедшей из иных, давно забытых времён.

На востоке это свечение видели многие.

Но в городе Порог, у западного моря, ночь только таяла. Его жители не чуяли беды, встречая обычное утро. Багряный рассвет разгонял облака на северо-востоке. Город жил своей жизнью – как жил тысячи лет.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ // ПОРОГ

Глава 1. Калёб Рен

Огненный свет плавил землю. Молнии рвали небо. А потом – тьма. Абсолютная, плотная, как вода. Из неё выступили фигуры. Пепельные, там, где должны быть лица – пустота. Только глаза. Золотые. Они смотрели без зрачков, без мысли. Стояли в ряд. Слишком ровно. Слишком одинаково. Словно их сделали, а не родили. Руки двигались беззвучно, куда указывал их перст, реальность рассыпалась.

– Очищение.

Голос был ровный, чужой, без интонаций, звучал в голове, не в ушах. Глаза погасли. Стали чёрными провалами. А потом – ничего.

Вспышка – и Калёб Рен проснулся. Сердце колотилось в горле. Он выпрямился, хватая воздух, коснулся босыми ногами камня – почувствовал ровную вибрацию. Пот пропитал рубаху, она липла к спине. Ладонью провёл по лицу – пальцы ледяные, щёки горят.

Запах страха. Кислый, резкий.

Калёб дёрнул большим пальцем край носа – привычка, от которой он не мог избавиться. Под глазами залегли глубокие тени. Тёмные волосы стянуты в небрежный хвост. В тридцать восемь лет глава Академии выглядел измождённым: худощавый, с усталым лицом.

За окном брезжило утро. Горизонт на северо-востоке ещё горел багровым – солнце только поднималось над крышами, заливая комнату тяжёлым янтарным светом. Калёб подошёл к раме и рассеянно уставился на улицу, откуда уже тянуло дразнящим ароматом свежего хлеба, наблюдая, как красное небо медленно уступает место привычной позолоченной синеве.

– Необычный сон, – прошептал он. – Не такой, как прежде.

На широкой столешнице, заваленной свитками и раскрытыми фолиантами, покоился Зрячий Камень – золотая металлическая сфера величиной с крупный агат. Тонкая цепочка свешивалась с края, едва заметно покачиваясь.

Рядом валялось перо; чернила давно высохли, расплывшись чёрной кляксой. На краю стола стояла потухшая свеча. Стопки пергаментов раскиданы на стульях в углу комнаты.

Огромное окно кабинета выходило на Академический район. Внизу, на мощёных плитах площади Ковчег, сновали редкие прохожие – городские стражники, лимитаны, как их называли в Пороге, книжники в серых мантиях, зажиточные горожане.

В конце квартала высились двухэтажные монументальные здания центра города. Далеко, за пеленой крыш, угадывался порт, откуда долетал приглушённый гул просыпающейся гавани.

У обелиска лавка проповедника Оплота манила своими товарами. На углу надрывался другой – о силе богов и их возвращении.

Калёб покачал головой и отвернулся.

Холодный ветер приоткрыл окно, разметав пергаменты и распахнув книги.

В дверь забарабанили. Ручка дёрнулась. Калёб метнулся к столу, сунул Камень в ящик, захлопнул – и едва успел сесть, когда створка распахнулась.

В кабинет ворвался Магистр Артефактов – сутулый старик с дрожащими руками, но глаза горели.

– Калёб! – Он чуть не споткнулся о порог. – Зеркало показывает! Идём!

– Давайте взглянем, – отозвался Калёб, не глядя на собеседника. Он озабоченно собирал разбросанные по столу свитки, выхватил Камень обратно из ящика, пряча в поясную сумку.

– Не будем откладывать.

Торопясь, они вышли из кабинета и двинулись в сторону Архива. Коридоры Академии по утрам жили своей жизнью. Из открытых аудиторий доносились голоса лекторов – кто-то размеренно диктовал, кто-то спорил со студентами, размахивая руками. Пахло воском, ста-

рыми книгами и ещё чем-то неуловимым – может быть, самим временем, которое застревало в этих стенах намертво.

Калёб прошёл мимо группы первокурсников в серых мантиях. Они сбились у расписания, толкались, спорили, кто-то грыз яблоко, кто-то листал конспект на ходу. Увидев Калёба, они притихли – ровно на секунду, а потом зашептались, провожая его взглядами.

– Это же глава Академии. – донеслось из толпы.

– Говорят, он сам ходил в Глубины.

– Тише, услышит.

Калёб сделал вид, что не заметил. Он привык к этим шёпотам. В его годы быть главой Академии означало носить невидимый груз – уважения, страха, надежд. Студенты смотрели на него как на человека, который знает ответы. Если бы они только знали, как часто он сам не знал даже вопросов.

Спустились по истёртым ступеням главной лестницы. Студенты, спешившие на лекции, расступались перед ними, кто-то почтительно кивал, кто-то отводил взгляд – Калёб не обращал внимания. Мысли ещё крутились вокруг сна, вокруг пепельных фигур, которые мерцали перед глазами.

За толстыми стеклянными дверями ботанического сада угадывались зелёные силуэты – студенты-травники возились с грядками, поливали, рыхлили, пересаживали. Из-за дверей тянуло сырой землёй, прелыми листьями и чем-то ещё – острым, пряным, похожим на чабрец или мяту. Калёб невольно вдохнул глубже. Этот запах всегда успокаивал его, напоминал о детстве, о матери, которая вечно возилась с травами.

– Хорошо у них тут, – буркнул Магистр Артефактов, тоже задержавшись на мгновение. – Тепло, влажно. Не то что в нашем Архиве – там одна сырость и пыль вековая.

– У каждого своё место, – рассеянно ответил Калёб, отрывая взгляд от зелени.

Они двинулись дальше, и запах сада постепенно растворился, уступив место другому – холодному, затхлому, тянущемуся из распахнутых дверей Архива.

Внутри маячил с десяток людей в белых перчатках – они замороженно разглядывали древности: тусклый металл, мутное стекло и шестерни, намертво вросшие в камень. Калёб скользнул по ним взглядом – обломки каких-то невообразимо сложных артефактов, назначение которых никто не мог понять. Оплот называл их – «дарами богов». Академия же подозревала, что это осколки какой-то древней цивилизации.

Одни учёные бережно сметали пыль мягкими кистями, другие замерли, изучая мельчайшие детали через толстые линзы луп. Никто не поднял головы – здесь всегда не хватало рук, и работа поглощала всех без остатка. Тишину нарушал лишь скрип перьев по пергаменту да едва слышный звон инструментов о металл.

Дальняя дверь в зале – тяжёлая дубовая – оставалась крепко закрытой. Магистр дёрнул её на себя, она открылась со скрипом.

Внутри оказалась каморка – два на два метра. В центре, под самым потолком, возвышалось нечто, укрытое мешковиной. Под грубой тканью угадывались чёткие грани. Старик сдёрнул её.

Комнату залил синий свет. Перед ними предстало Зеркало – тёмная гладь блестела, словно живая. Вся центральную часть покрывали трещины, поверх которых проглядывали светящиеся числа.

– Это появилось сегодня утром, – Магистр указал на красную точку. Она мигала, а над ней пульсировали символы: +200. Казалось, за ними должно быть ещё что-то, но оно не проявилось.

– Хм, – Калёб почесал подбородок. – Спасибо, Магистр. Я сам пока разберусь.

Старик вышел, плотно притворив дверь.

Кaleb записал цифру. Холодное сияние артефакта наполняло комнату. Обычно оно показывало какие-то чёрточки и красные руны. Посмотрел на числа – такие появлялись и раньше, но никогда не складывались в расчёт.

В помещении с артефактом всегда стоял гул и низкая вибрация, которая чувствовалась кожей, заставляя то и дело покрываться мурашками. Кaleb провёл ладонью над поверхностью Зеркала, не касаясь. Тепло. Оно работало. Питалось чем-то, что до сих пор не иссякло за тысячи лет.

Потёр лицо руками, прогоняя наваждение. В углах комнаты, там, куда не доставал синий свет Зеркала, клубилась тьма. Казалось, ещё немного – и из неё проступят те самые пепельные фигуры, что являлись ему во сне. По спине пробежал холод.

Он вышел из тесной комнаты, но вместо того, чтобы вернуться в кабинет, остался в Архиве. Присел на скамью у стены, положил пергамент с цифрами на колени и просидел так до глубокой ночи, вглядываясь в них, пытаясь уловить скрытый смысл.

Кaleb ночевал в Академии, разгадывая надпись. Он водил руками по холодной поверхности, надеясь нащупать хоть какую-то подсказку. Подносил артефакты к цифре – никаких изменений.

Тут его осенило: он поднёс Зрячий Камень к цифре на Зеркале, сфера засветилась тёплым янтарным светом, сливаясь с синевой комнаты. На ней, в свете, из красных рун, проявились цифры – 1, 2, 3, 1 – и сложились в столбец:

-1

+123

+200

Кaleb схватил перо и записал на пергамент.

Он перевёл дыхание и вышел в коридор.

– Дежурить у Зеркала день и ночь, – велел он. – Если что-то изменится – сразу ко мне.

Символы он принёс в свой кабинет, ночью не сомкнул глаз. Из приоткрытого окна тянуло сыростью и запахом дождя. Город спал, лишь редкие лимитаны в светло-голубых плащах перекалились где-то вдалеке да собаки лаяли на окраинах. Сверкали молнии.

Он вывел пальцем в пыли на столе: 200 и 123. Сложил. Получил 323. Какая-то бессмыслица.

Перо остановилось. Кaleb откинулся на спинку стула, потёр переносицу. За окном стучало. Водяные часы в углу мерно роняли капли, отмеряя время.

«Дата?» – он вывел на пергаменте несколько цифр подряд: «1, 123, 200». – «Год? Но какой календарь?»

Он перевернул лист и крупно написал: Обратный отсчёт. И ниже, почти не думая, пририсовал песочные часы. Песок в них сыпался в бездну.

Он изучал пожелтевшие пергаменты и древние книги, найденные в Глубинах под поверхностью, делал пометки на полях, сравнивал, чертил схемы.

Тучи разошлись. На небе показались луны Две Сестры – Великая висела низко над городом, Вестница бежала впереди неё, голубоватая, торопливая, почти у самого горизонта.

Светало. Утренняя заря появилась на северо-востоке.

Где-то в коридоре скрипнула половица. Кaleb резко обернулся – никого. Только тени метнулись по стенам.

Руки дрожали. Он не мог сосредоточиться.

А потом он заметил: цифры расположены странно. Верхняя – с минусом, нижняя – с плюсом. Словно.

Он перевернул лист пергамента вверх ногами.

Теперь строки читались так:

+200

+123

-1

Кaleb глянул на золотую сферу в приоткрытой сумке. Она слабо пульсировала, и на её поверхности, в игре света, вдруг проступили те же цифры:

200, 123, 1. Восток. Юг. Глубина.

«Это реально или игра воображения?» – он протёр глаза.

Кaleb замер. Он вспомнил тот обломок металла, который глубинники принесли в Академию годы назад. Тогда он поднёс к нему Зрячий Камень – и на поверхности проступили четыре слова:

«ЮГ. ЖДЁТ».

– Не дата, – прошептал он. – Место.

– Координаты. – Кaleb уставился на карту Порога. – Слишком большие числа. Не город. Вообще не Ближние Земли.

Пошарил ещё по пергаментам, академические карты не подходят – все терялись в районе Гряды Семи Ветров. Дальше на юг обрывались. Да и кому тут верить? После того, как в Академии кто-то следил за ним, тащить карту из Архива не вариант.

«Мне нужна карта всего мира. У Эйнара. В порту».

Он схватил перо, едва не выронив, и достал из поясной сумки выдавшую виды потрёпанную кожаную тетрадь – в ней добрый десяток пергаментных листов, сшитых вручную, – и вписал в неё координаты.

Кaleb смотрел на символы. Пятнадцать лет назад он точно так же вглядывался в дневник Имреха Валленрода. Старое крыло Академии тогда разбирали – стены крошились, пол прогибался. В одном из залов, заложённый кирпичом, нашли тайник. Никто не понял, что это, и передали ему. Хорошо, что он, а не кто-то другой прочитал его первым. Тогда он нашёл тайну, которая могла уничтожить Академию. Теперь – координаты, за которыми чувствовалось нечто большее.

«Что там? Ответы? Или новые вопросы?»

Кaleb начал спешно собирать свои заметки, то и дело зевая. Камень так и норовил выпасть из поясной сумки. На мгновение он замер, глядя на него. Оставить здесь? В кабинете, который открывается простым ключом? Он представил, как возвращается, а дверь взломана и Камень исчез – и по спине пробежал холод. Сунул артефакт глубже, прикрыв пергаментами. Вышел за дверь, заперев её на ключ.

Тишина древних стен Академии помогала ему. Он спустился по лестнице, миновал пустой холл и толкнул тяжёлую дверь.

Снаружи его оглушил утренний город – сыростью, криками, лаем собак и стуком деревянных колёс по мостовой. Небо на северо-востоке слегка посерело.

Он направился в таверну, где Эйнар пропадал чаще, чем в порту.

Оказавшись на мостовой, Кaleb сонными глазами едва заметил лужу и перешагнул через неё, лишь слегка коснувшись пяткой воды. На поверхности плавала тонкая радужная плёнка, в которой, если приглядеться, мелькали редкие жёлтые искры – вымытая из земли взвесь. Снаружи пахло сыростью, вдоль обочин бежали мутные ручьи. В воздухе завис и другой запах – сухой, резкий, с привкусом металла, какой бывает после грозы, хотя небо над городом оставалось чистым.

Двигаясь в сторону порта, мимоходом заметил молельный дом Оплота на перекрёстке. Над распахнутой деревянной дверью красовалась священная V. Десятки людей окружили его и молились, многие прижимали правую раскрытую ладонь к сердцу – «Щит веры».

Над входом возвышалось изваяние божества Мураниса – бога-строителя и защитника.

Кaleb задержал взгляд на статуе. Чёрный базальт, тронутый временем, – поздняя копия, но сделана мастерски. Одета в простую тунику, перехваченную ремнём. Большие миндалевидные глаза смотрели сквозь него, гладкая голова без намёка на волосы.

Четыре руки. Верхние, мощные, с тремя длинными перстами – не человеческими. Они застыли в благословляющем жесте – открытыми ладонями над людьми. А нижние – меньше, изящнее – одна из них, с пятью человеческими пальцами, покоилась у сердца. Жест «Щит», знакомый каждому ребёнку в Пороге, выглядел на каменном великане почти трогательно. Словно бог, сотворивший миры, говорил: «Я помню, каково это – бояться».

Он протянул руку и коснулся холодного камня. Рука сразу озябла – статуя дышала холодом, будто сами Чёрные горы Эреба.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.